

Л. С. СОСНОВСКИЙ

На идеологическом фронте. Кто и чему обучает нашу молодежь?

В «Известиях Комм. Унив. Им. Свердлова»¹ находим проспект занятий по новейшей русской литературе. Кое-что в этом проспекте странно. Есть Шершеневич, даже Мариенгоф. Нет Демьяна Бедного. Очень странно. Революцию без Мариенгофа можно себе представить. Революцию без Демьяна Бедного труднее. Странно...

Заинтересовавшись далее, мы узнаем, что наших свердловцев, а также слушателей высшей военно-педагогической школы, а также студентов института журналистики (и еще кого?) обучал литературе литератор Львов-Рогачевский.

Находим свеженькую его книгу: «Новейшая русская литература». Издана в 1923 г. «Центросоюзом»². (ах, товарищ Хинчук!³). Занятная книга.

Меня для начала очень заинтересовал вопрос: почему ни единым словечком не упомянут наш поэт Д. Бедный в книге «марксиста-критика»? Случайно или сознательно?

Может быть, Львов-Рогачевский никогда не встречал произведений такого поэта? Странно. <...>

Но Д. Бедный был большевиком, а наш критик меньшевиком. В его груди боролись две души. Как издатель, он прекрасно понимал, какую силу он заполучил в лице поэта Д. Бедного для журнала. Как меньшевик, он кипел негодованием на нашего Демьяна, густо мазавшего меньшевистские ворота. После одной особенно ядовитой басни Д. Бедного против меньшевиков в «Правде» Львов-Рогачевский лично порывает с ним, но... оставляет его сотрудником журнала.

Читатель спросит: неужели критик-марксист, преподаватель коммунистического университета (!), способен умолчать о поэте, столь популярном и любимом в массах, на почве старой меньшевистской обиды? А это уж — понимайте, как знаете. Факт, однако, таков. В курсе лекций для свердловцев Демьяну Бедному наш объективный лектор не отвел

и двух слов, хотя напихал в этот курс порядочную толику «козявок, мушек, таракашек». Между тем, интерес к поэзии Д. Бедного перекинулся за пределы России в другие страны. И даже — не курьез ли? — в Китае что-то пишут о «Димьяни Бидны». (См. журнал «Восток», № 2, стр. 116).

Товарищи свердловцы, не пригласить ли вам профессора из Китая, чтобы он дополнил вам курс Львова-Рогачевского парочкой лекций о самом известном поэте революции?

Спросите же Львова-Рогачевского, кого он считает поэтами революции? Он отвечает: Маяковского и Блока.

Почему Блока? Потому что Блок написал два стихотворения «Двенадцать» и «Скифы». Сам я и ценю и люблю кое-что в Блоке. Но поэтом революции никогда его не считал. Блок корчился в муках, когда революция — «ах, ах, без креста» — пришла и дохнула ему в лицо. «На спину б надо бубновый туз» — вот что думал он о тех, кто без креста «державным шагом» прокладывал путь сквозь сугробы старого мира. Блок нас великодушно простил и разрешил Христу сопровождать красногвардейцев в их походе. Это ли символ революции — Христос в белом венчике из роз впереди красногвардейцев, а сбоку поэт революции, вздыхающий:

— Эх, эх, без креста!..

Но Блок умер, и за границей белогвардейцы, — отнюдь не малограмотные люди, — канонизировали его, признали своим, временно заблудшим.

Кто же их живых является настоящим поэтом революции, угадайте, читатель? Как бы не так! Не угадаете. Львов-Рогачевский вас огорошит.

Оказывается — Максимилиан Волошин, вот кто истинный поэт революции. (Стр. 286):

«Большого поэта, которого не помял вихрь шумный, кто связал свою поэзию с трагизмом революции, с муками родов, переживаемыми нашей страной, уже теперь должны мы указать. Этот большой поэт, страшно выросший в годы революции, — Максимилиан Волошин».

Тут и «могучие, грозные образы», и «мощный язык», и «сила чувств и волнующая серьезность» — тут все есть, коли нет обмана⁴.

Мне некогда сейчас заниматься раскопками, но я положительно припоминаю, что сей новоявленный пророк революции где-то в зарубежной печати скулил из подворотни на нашу революцию.

Ведь этому же слов нельзя подобрать, когда в нашей высшей партийной школе первым поэтом революции объявляют Волошина, потрепанного, бесцветного подголоса⁵ Бальмонтов, Мережковских и прочих давнишних декадентов.

Кто из читателей помнит хоть одно революционное стихотворение Волошина? Думаю, что никто.

Но это не все. Для нашего рыцаря революции, для Д. Бедного, у Львова-Рогачевского нет и двух строк. Зато для расстрелянного белогвардейца Гумилева, участника заговора против революции, для него не только целая глава XI отведена, но и какая глава — восторженная, влюбленная, благоговейная. Что воспевал Гумилев? Вот что вынужден сообщить о нем и сам Львов-Рогачевский:

«И пишет он об этом рабочем, как мужественный воин о своем мужественном и смертельном враге. Вся его идеология, насколько она вылилась в последние годы, носила печать стародворянской культуры, с ее “обожаемым” монархом и с ее старинными гробами».

Львов-Рогачевский скорбно сообщает об этом певце крепостников-помещиков, что он «трагически погиб в самом расцвете сил, когда ему не было и сорока лет».

Во-первых, что это за умолчание? Как и почему трагически погиб Гумилев? Почему скрывает от свердловцев их профессор всю правду? Ведь Гумилев писал белогвардейские воззвания против нас и был членом тайной белогвардейской организации.

Во-вторых, если бы не «погиб трагически» этот певец обожаемого монарха и стародворянской культуры, смертельно ненавидевший рабочих, — чем бы он порадовал еще нас «в расцвете сил»? На кой черт нужны нам певцы «обожаемого монарха»?

Львов-Рогачевский имел бестактность именовать Гумилева рыцарем. Негнущимся, Бесстрашным, Бесстрашным. Одним словом, воспел — за счет Центросоюза — участника одного из заговоров против революции*.

Надо сказать, что наш критик вообще ужасно мягок и деликатен в отношении к белогвардейцам-литераторам. Он сообщает подробно, где родился, скажем, Бунин, как звали его мать и прочее. Но зато излишне лаконично заканчивает главу о Бунине словами:

«После революции 1917–18 гг. Иван Бунин эмигрировал за границу».

И только, гр. Львов-Рогачевский? Нет, уж вы будьте любезны, расскажите нашей молодежи, что Бунин с остервенением оголтелого

---

* Львов-Рогачевский как будто не слышал о таком бесспорном рыцаре, как погибший на славном посту, под Кронштадтом, многообещающий поэт-комсомолец Герасим Фейгин. Между тем для нас это подлинный рыцарь, бесстрашный, мужественный, отдавший молодую жизнь за дело революции.

черносотенца грязным помелом пишет о Советской России в подлых белогвардейских листках. К чему замалчивать правду и оставлять молодежь под впечатлением ваших комплиментов Бунину?

Или вот Куприн (стр. 208). Очень восторженный отзыв о его творчестве — и затем совсем глухо:

«После октября 1917 г. он уезжает из России, кипящей в борьбе».

И больше ничего, гр. Львов-Рогачевский, не прибавите? Почему же вы не добавляете, что Куприн все эти годы купался во всех белогвардейских помойках, что это он был редактором газет, распространявших из Гельсингфорса чудовищные выдумки о России, что он опустился до юдофобства, что он буквально продался за двугривенный антантовским дельцам?

Или Бальмонт? (стр. 142–156). Кому он сейчас интересен, ваш Бальмонт, какому рабочему или крестьянскому сердцу хоть что-нибудь говорит его поэзия бумажных искусственных цветов? И почему, рассказав всю его биографию вплоть до падения с третьего этажа на мостовую, почему вы не рассказали, как сей жрец красоты обманно выманил у правительства нищей Совдепии большую сумму денег (предварительно написав для отвода глаз «революционное» стихотворение) и как потом на эти деньги нас в Париже стихотворно грязнил и клеймил.

То же об Андрее Белом. Почему скрывает от революционной молодежи гр. Львов-Рогачевский все, что есть подлого и грязного в поэтах буржуазного мира, почему скрывает он, что они в голодный 1921 г. тупо, бесстыдно и подло травили несчастную Россию?

Все это сопоставленное вместе, дает нам печальнейший облик литератора, воспитывающего в 1923 г. коммунистическую молодежь, нашу надежду, нашу смену. Что, если бы и философию, и политическую экономию, и историю свердловцам преподавали по способу Львова-Рогачевского?

Размеры статьи заставляют меня ограничиться только политической стороной вопроса. Но даже и с литературной стороны — какая бездарная макулатура, какое непонимание задач момента! Ну, кому интересно знать, что ровно 10 февраля 1919 года в Москве был напечатан манифест имажинистов? Ведь сам автор сообщает, что в 1922 г. Мариенгоф публично возвестил об упразднении имажинизма, как школы. Упразднились — и отлично. Через год-два никто и слова этого не поймет — «имажинисты». Кому нужно изучать эту чепуху? Неужели свердловцам больше нечего изучать? То же и со всякими акмеистами, адамистами — кому это нужно знать в 1923 г., на 6-й год великой революции?

Нужно быть человечком в меньшевистском футлярчике, чтобы ухитриться и Демьяна Бедного потерять, и Гумилева воспеть, и замолчать нынешнюю карьеру бывших властителей дум, и люминистов с имажинистами мусолить, и для пророка революции вытащить Максимилиана Волошина.

Все это — в свердловском университете <...>. И даже в издательстве милейшего Центросоюза, которому нечем больше заняться, как только выпуском толстого тома этой дребедени в 300 страниц.

Идеологические консулы! Протрите же очки!

<1923>

